

Он шел по школьному двору, бережно прижимая к себе железную коробку.

Солнце стояло высоко, воздух раскалился, и коробка в его руках нагрелась настолько, что стала обжигать кожу. Казалось, она беззвучно кричит от восторга, наконец-то вырвавшись из тьмы на свет.

Синь Жун прищурился, мысленно прикидывая дату. Судя по температуре и окружающему пейзажу, мир этого подземелья находился где-то в середине июня.

Разгар лета. Цикады стрекотали не умолкая, одна волна сменяла другую, резкий и пронзительный звук наполнил пустую, безжизненную школу. Кроме него, вокруг не было ни души.

Существуют ли такие миры на самом деле? Прошлое это или будущее? Если будущее — можно ли изменить то, что должно произойти? Если же это прошлое — можно ли найти следы этих людей в реальности? Является ли это место вымыслом? И реален ли я сам?

В голове Синь Жуна царил хаос, поток вопросов нахлынул разом, отчего виски неприятно заныли. Он тряхнул головой, пытаясь прояснить мысли, мельком взглянул на часы и зашагал быстрее.

Неподалеку в ветре колыбался маленький красный цветок — единственное яркое пятно посреди выжженных руин. Синь Жун подошел к нему и опустился на корточки. Его левая рука, пронзенная щупальцем той учительницы, была лишь наспех перебинтована поверх перчатки. Он осторожно, виток за витком, размотал марлю и медленно стянул пропитавшуюся кровью ткань.

Белая перчатка давно насквозь промокла, а кровь на ней успела засохнуть. Под ней обнаружилась страшная рана: кровавая дыра насквозь пробивала ладонь, из которой все еще сочилась кровь.

Хмурясь от боли, он дрожащими пальцами левой руки снял перчатку с правой.

Правая рука Синь Жуна выглядела безупречно — тонкая, изящная, точь-в-точь как у Хо Фаня. Но была одна деталь: всю ее покрывали переплетающиеся шрамы, до боли похожие на те, что он видел на теле Чжоу Сяохуэй. Шрамы тянулись от запястья до самых кончиков пальцев, словно эту руку когда-то безжалостно бросили в бушующее пламя. Они извивались, как обожженные драконы, и каждый след на коже, казалось, хранил историю невыразимых страданий.

Синь Жун встряхнул правой рукой, словно долгое ношение перчатки не давало ей дышать. Он не помнил, откуда взялись эти шрамы. Казалось, в какой-то день они просто появились из ниоткуда. По идее, их появление должно было сопровождаться невыносимой болью, но он не мог вспомнить ровным счетом ничего.

После того падения из окна его тело стало вести себя странно: необъяснимые шрамы, провалы в памяти... Он задумывался: неужели это банальная амнезия, как в дешевых сериалах?

Но, взвесив все за и против, пришел к выводу: нет.

Он помнил всё: от глубоких академических знаний по психологии, которые изучал годами, до названия любимого леденца из детства. Никаких пробелов. Так в чем же причина? Он и сам не знал.

Он никогда не был помешан на внешности, но и врать не любил. Когда шрамы только появились, он не стал сразу надевать перчатки. Жил как обычно, но люди, заметив его руки, округляли глаза, прикрывали рты ладонями и с изумлением сыпали вопросами: Что с тобой случилось? Как ты это получил? Когда ты успел пораниться? Почему я раньше этого не замечал?

Он каждый раз отделялся невнятными ответами, но со временем это начало его утомлять. Поэтому он просто стал носить перчатки. В конце концов, для сотрудника больницы это вполне обычное дело.

Синь Жун поднял правую руку, закрываясь от солнца. Ослепительные лучи пробивались сквозь пальцы, лаская лицо. Жар от солнца на ладони принес странное облегчение, и он, расслабившись, довольно прищурился.

Затем он перевел взгляд на цветок. Маленький, одинокий, он рос среди руин — такой крошечный, но такой сильный. Синь Жун протянул палец и едва коснулся лепестка. Тот оказался гладким, как шелк, и от легкого щекотного ощущения он невольно улыбнулся.

Цветок был ярко-красным, словно свежая кровь, с отчетливыми прожилками на лепестках. Тонкий стебель с двумя зелеными листочками легко раскачивался на ветру.

Он положил железную коробку рядом с цветком, тщательно протерев ее поверхность снятой перчаткой. Он хотел открыть ее, чтобы собрать останки котенка и похоронить вместе с Чжоу Сяохуэй, но время взяло свое: жидкость на дне давно высохла, косточки намертво прикипели к металлу, окислившись вместе с ним.

Точно так же, как и душа Чжоу Сяохуэй, когда-то заточенная во тьме: ее нельзя было вызволить, нельзя было спасти — она могла лишь погружаться в бездну вместе с ней, пока не исчезла навсегда.

Очистив коробку, Синь Жун пошарил рукой в обгоревшей земле рядом с цветком и действительно нашел ошейник. Материал напоминал кожу. Яростное пламя, поглотившее актовый зал и грехи сорока с лишним человек, пощадило лишь эту маленькую вещь.

Синь Жун не сразу понял, как это возможно, но вскоре его осенило: возможно, перед смертью Чжоу Сяохуэй прижала ошейник к себе, защищая его своим телом. А может, это было что-то, что не поддается научному объяснению. Впрочем, если уж существование этого подземелья само по себе антинаучно, то искать логику в деталях больше не имело смысла.

Он поднял ошейник, стер с него слой сажи, и тот обрел свой первоначальный вид: белый ремешок и золотистый бубенчик.

Синь Жун живо представил, как котенок радостно бегал, кружась на месте. Жаль, что он не видел его при жизни, иначе воображение нарисовало бы картину еще ярче.

Он тщательно протер бубенчик, вытряхнул из него пыль. Легкий взмах — и раздался чистый, мелодичный звон.

Синь Жун улыбнулся уголками губ и положил ошейник на коробку, машинально похлопав по ней — словно утешая плачущего ребенка или глядя брошенное животное.

Вдруг он что-то вспомнил и достал из кармана полпачки кальциевого печенья. Подул ветер, принесся сладкий молочный аромат. Синь Жун положил печенье перед цветком и коробкой, разорвав упаковку чуть шире.

— Это вам от одной девочки. Видимо, она торопилась и ничего больше с собой не взяла, только вот это недоеденное печенье. Не обессудьте, — сказал он и пододвинул угощение ближе. — Я посмотрел состав, кошкам такое вроде бы можно.

Он сидел на корнях и разговаривал сам с собой, постукивая пальцем по коробке, будто по лбу котенка.

Он не замечал, что совсем недалеко, за его спиной, кто-то стоит. Человек неподвижно застыл у дерева, не сводя с него глаз, словно тень, бесшумно слившаяся с окружением.

— Ах да, еще вот это. Это только тебе, комочку шерсти не давай, котам такое нельзя, — Синь Жун достал из кармана баночку мятных леденцов с жасмином и потряс ею. Раздался звон — те самые конфеты, которыми он недавно угостил Цин Куй. — Ешь сам, другим не отдавай. Жизнь и так горькая, добавь себе немного сладости.

Он поставил баночку рядом с печеньем.

Он долго сидел в тишине, глядя на цветок, ошейник и коробку, погруженный в свои мысли. А за его спиной все так же молчаливо стоял другой человек. Картина была странно гармоничной в своей тишине.

— Пора, — Синь Жун взглянул на часы и с легким вздохом поднялся. — Надеюсь, в следующей жизни тернии, которые другие посеяли для тебя, не омрачат твоего лета.

Он посмотрел на солнце — оно по-прежнему слепило, заливая землю светом, словно пытаясь выжечь всякую тьму. Чжоу Сяохуэй так долго ждала этого света, когда была в своей бездне, но так его и не дождалась.

Что вообще считать травлей?

Воду, которую выливают на голову из запертой кабинки?

Исписанные парты и окровавленный ошейник?

Искаженные безумным смехом лица?

Или равнодушные взгляды тех, кто стоит в стороне?

На самом деле, между наблюдателями и палачами нет никакой разницы. Они молчаливо поощряли все эти трагедии. Как на том празднике в зале: если бы хоть один человек отказался смотреть на эту игру в травлю, разве случилось бы худшее?

Но, как ни горько, все были на месте. Сначала Синь Жун не мог этого понять, но постепенно осознал: они боялись. Боялись прослыть не такими как все, боялись стать второй Чжоу Сяохуэй.

Когда лает одна собака в деревне, за ней начинают лаять все остальные, даже не зная причины.

Все знают, что лето будет прекрасным, но снег, выпавший в юности, до сих пор не растаял. И даже если весенний ветер не в силах его растопить, нельзя позволить этому льду превратиться в реку страданий.

Да, я знаю. Все знают. Лето будет чудесным: с пением цикад, солнцем и звездами в ночном небе. Единственное сожаление в том, что школа стала для нее концом, а лето — ее последними словами.

Синь Жун взглянул на часы, выдохнул, вызвал системный интерфейс, в последний раз посмотрел на ярко-красный цветок и вышел из игры.

Его силуэт в школьном дворе стал расплывчатым и растворился. Подул ветер, и казалось, будто его здесь никогда и не было.

Фигура, стоявшая позади, замерла от неожиданности, увидев, как Синь Жун исчез, а затем вышла из тени дерева. Человек подошел к тому самому месту, где долго стоял Синь Жун, посмотрел на цветок, ошейник и коробку, приподнял бровь и, в точности повторив движения Синь Жуна, опустился на корточки.

Неизвестно, сколько времени прошло, и нельзя было разобрать, что он говорил, но вскоре он тоже достал что-то из кармана, немного посидел, а затем точно так же исчез.

Снова подул ветер, принес с собой летний зной. Цветок по-прежнему тихо цвел среди выжженной земли. Коробка и ошейник поблескивали на солнце. Половина пачки печенья и баночка мятных леденцов лежали точно так же, как оставил Синь Жун.

Единственное отличие: рядом с леденцами теперь стояла дымящаяся сигарета. Пепел падал на землю, дым вился в воздухе, постепенно рассеиваясь.

Половина пачки печенья, баночка леденцов и одна сигарета. Три совершенно не связанных предмета, странное сочетание. Но лежа вместе, они создавали ощущение странной гармонии.

— Динь-дон. Системное уведомление: подземелье Запись смертей 3-го класса 2-го года будет принудительно закрыто через пять секунд. Игроки, не покинувшие локацию, приготовьтесь.

— Пять.

— Четыре.

— Три.

— Два.

— Один.

— Динь-дон. Системное уведомление: подземелье закрыто.

Холодный голос системы эхом разнесся по школьному двору. И за секунду до того, как система окончательно закрыла подземелье, послышался звон бубенчика.

Чистый и мелодичный.

<http://bllate.org/book/21345/2167052>